

Т.В. Горячева

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(рус. *бим*; блр. *галилέць*; рус. *закрумныйй*; блр. *вогъры*;
praslav. *хута/*хутъ; рус. *посытиться*)

Рус. *бим*

В Словаре русских народных говоров со ссылкой на В.И. Даля приводится слово *бим*, мн. *бимы́*, -мбв (с пометой “обычно мн.”) в значении ‘отдельно плавающие льдины около сплошных льдов (в Северном Ледовитом океане)’ (арханг.), а также уменьшительное *бимок*, -мка ‘то же, что бим’ (арханг.) и *бимьё*, -я, ср. собир. ‘сплошные льды (в Северном Ледовитом океане)’ (СРНГ 2, 292). У Даля *бимьё* – ‘равнина полярного льда, сплошные льды’; *бимок* м., более употреб. мн. *бимкý*, *бимы́*, – ‘носимые течением и ветром льдины перед бимьём; стамухи и барбки’ (Даль³ I, 214). Э.М. Мурзаев приводит в своем Словаре слово *бимьё* – ‘замерзшее полярное море, сплошной лед’, *бим*, *бимок* – ‘плавучие льдины, оторванные от сплошного ледяного поля (северные моря)’ (Даль 1912) с пометой “Темное слово”¹. Слово *бим* может быть заимствованием из английского языка – ср. *bímeц*, *bíms* ‘балка, на которую стелется палуба’ (сев.-рус., поволжск.) (Даль), которое является заимствованием из англ. *beams* – мн. от *beam* ‘бревно’; “см. Маценауэр 111. С добавлением -ец” (Фасмер I, 166). Здесь можно предположить утрату с вследствие деэтимологизации слова и семантический переход на русской почве ‘балка’ → ‘льдина’. Ср. сев.-рус. *брúсья* ‘льдины’².

Ср. слово *брус*, употребляющееся также в метеорологической терминологии в значении ‘полоса над морем на горизонте’ “В мбре, говорйт, бру́с висйт – морянка притянеца” (арханг. – Арханг. словарь 2, 139). Интересно, что англ. *beam* имеет значения не только ‘балка; перекладина; ткацкий навой; ось; дышло; коромысло (весов)’, но и ‘луч, пучок лучей’³. Слово *beam* в значении ‘луч, пучок лучей’, а также *incoming solar beam* ‘падающий солнечный луч’ входит в состав английской метеорологической терминологии⁴.

В народном поэтическом сознании – мороз-плотник, кузнец, ср. о сильных морозах “Никола угодник гвоздики забивает”, а также кашуб.-словин. *Mróz kłaze bałkí p'od lodim* ‘вода замерзает’ (Sychta III, 129). Ср. также *оплóтина*, -ы, ж. ‘большая льдина’ и ‘рама для плата’ (Иркут. словарь II, 92).

Русское *пак* ‘многолетний дрейфующий морской лед, который образует большие ледяные поля’, а также блр., болг. *пак*, польск. *pak* то же тоже заимствовано из англ. *pack (-ice)* то же, образованно-

го от слова *pack* ‘масса, большое количество, тюк, упаковка’ (ЕСУМ 4, 257). Ср. швед. *rack*: *e* – *en*, *-ar* ‘узел; тюк, выюк; пачка’, *råsk*: *is* – *en* ‘ледяной затор’, ‘паковый лед’, ‘искусственный лед’⁵.

Интересно, что в качестве синонима слову *бим* (*бимы*) Даль приводит слова *барбки*, *стамухи*. Слово *бáрок* (арханг.) в значении ‘полярная льдина, ледяная гора, стамуха’ он помещает в словарную статью на *бáрок* (новорос., ворон., курск.) ‘упряжной валек для постромок, дронтик’ (нижнемакарьев); (симв.) ‘воткнутая в землю толстая палка, на которую надета крепкая втулка от колеса, приспособленная к повороту рычагом; употребл. при гнущии полозьев’ (Даль² I, 50).

Слово *бáрка* в значении ‘плавающая льдина’ записано в новг. (черепов.) говорах (СРНГ 2, 117), в деулинских говорах *бáрка* – ‘льдина’. ‘Кадá л’от ламáица, л’от къс’акám’ и атлámъваиццъ – вот ёта бáрка’ (Деулинский словарь 48); в ярославских говорах слово *бáрка* (собир.) записано в значении ‘мелкие кусочки льда, плывущие по реке во время ледохода’ (Ярослав. словарь 1 (Аа – Бобинки) 37); в Словаре русских народных говоров приводится слово *баркй*, *-бв*, мн. – ‘носимые ветром и течением льдины’ [арханг., Маштаков 1931 (со ссылкой на Веселого) – СРНГ 2, 117]. Маштаков приводит в своем Словаре слово *бароки* – ‘то же, что бимки’ (см.). (Арх. – Весел.).⁶

Слово *бáрка* записано П. Ткаченко в кубанских говорах в значении ‘принадлежность телеги, деревянный валик, б р у с, к которому крепятся постромки упряжи’ (Ткаченко 57), слово *барка* (*бáркъ*, *-къ*) в значении ‘деревянная упряженная палка (валёк), к которой прикрепляются постромки’ записано также в говорах яицких казаков (Малеча 1 (А–Ж) 103). Слово распространено также в говорах белорусского и украинского языка: укр. *бáрок* ‘орчик’ и блр. *бáрак* то же, что является заимствованием из польск. *barki* ‘верхняя часть спины’ и т.д. (ЭСБМ 1, 308; ЕСУМ 1, 145).

Ср. м.б. еще блр. *баркáнь* м. ‘плот из толстых б р е в е н’⁷, а также russk. диал. *баркй*, *-бв*, мн. ‘в р а щ а ю щ а я с я площа́дка с сиденьями в форме лошадок, лодок и пр., служащая для катанья на ярмарках, народных гуляньях и т.п.; карусель’ (Мордов. словарь А–Г, 30), *бáрка* ‘верхний сноп на укладке снопов’ (Словарь Карелии 1, 41).

Интересно, что здесь также присутствует семантика ‘брюс, перекладина’ трансформировавшаяся в значение ‘льдина’. Ср. англ. *beam* ‘балка, перекладина; ткацкий навой; о с ь; д ы ш л о; коромысло (весов)’.

Ср. также псков. *плáха* ‘небольшая льдина’ (СРНГ 27, 102) и *плáха* ‘срубленное дерево, не очищенное от сучьев’ (Бурнашев), ‘срубленное и очищенное дерево; бревно’ (костр., горьк.), ‘бревно,

служащее для скрепления одной стойки с другой и поддержки крыши барки’ (волог.), ‘боковая часть бревна; горбыль’ (арханг.), ‘половица’, ‘жердь, которой скрепляют снопы на возу’ (горьк.), ‘палка’ (ряз.), ‘доска’ (СРНГ 27, 101), а также псков. *киёт*, *а*, *м.* ‘глыбы льда во время ледохода’ “Ездить нельзя, када лёт тае, наламае бывá такй *киёты*” (Псков. словарь 14, 161) при *кия́*, *и*, *ж.* ‘клюка, посох’ (Псков. словарь 14, 162), *кий* ‘палка’, (южн., зап.), ‘палка с утолщением наверху’ (смол., калуж., орл., ворон., Лит. ССР, Латв. ССР. Слов. Акад. 1956), ‘палка с утолщением (корнем) на конце; дубина’ (твер., пск., южн., зап.), ‘посох, трость’ (смол., осташи, твер., южн., зап., курск., Слов. Акад. 1956 [с пометами “устар.” и “обл.”]) (СРНГ 13, 204). С точки зрения словообразованияср. псков. *козутка* ‘коза’ (Псков. словарь 14, 329), образованное от *коза* с суф. *-ут* и *-ка*, а также *лоскут*.

Ср. также нем. *Block* ‘колод(к)а, льдина; чушка, плаха’.

Здесь, однако, нельзя не упомянуть возможность заимствования из шведского *bark -en, -ar(-er)* ‘кора’⁸. Переход значений ‘кора’ → → ‘лед’, ‘льдина’ вполне закономерен. Ср. *корун* ‘гладкий лед’ (Словарь Карелии 2, 435), *карун* ‘весенний лед, очистившийся из-под снега’ (Куликовский 34)⁹. Швед. *bark*, др.-исл. *bɔrk* ‘кора’ восходит к герм. *barkuz*; англ. *bark* (сканд.) ‘кора дерева’, норв. *bork*, ст.-голл. *barc*, ср.-н.-нем. *borke* ‘кора’¹⁰. Ср. также *бáрак*, *-а*, *м.* Собир. ‘заросли коряевого кустарника, черемухи, на сырой неровной местности’ (сев.-дин.), приводимое в Словаре русских народных говоров с пометой «От швед. *baraktig* ‘користый, корявый’» (СРНГ 2, 102).

Блр. галлянецъ

В Этимологическом словаре белорусского языка приводится слово *галлянецъ* в значении ‘блестеть (про воду на лугах и полях)’ с пометой “Неясное слово” (ЭСБМ 3, 37). Оно может быть интерпретировано как образование от *лялецъ* ‘блестеть’ (< праслав. **lelejati* ‘качать, лелеять, блестеть’ (ЭССЯ 14, 101) (ср. блр. диал. *лялеці* ‘играть рябью на солнце (когда говорится о теплой летней воде); лелéять’ (Гарэцкі 90), *лелечъ*, *ліліти*, *лялецъ* ‘переливаться, сверкать, блестеть; отражать, блестеть (о водной поверхности); качаться, колыхаться (про хлеба, траву)’ и др. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 715), *лелечъ*, *елецъ* ‘блестеть, переливаться’ (Тураўскі слоўнік 3, 20), а также *лиліты* ‘блестеть, отражать (о водной поверхности)’: “Дошч вылікыј јшов, то на Гбмсы водá *лиліје*”¹¹) с помощью протетического *го-*, которое наряду с протетическим *г* возможно в ряде образований белорусского и украинского языков. Ср. блр. диал. *гопалаты* ‘веять (зерно)’, *гопалкы* мн. ‘ночвы для провеивания’¹²,

укр. диал. *гупалáте*, *-аю*, *-аешь*, несов., перех. ‘очищать семена овощных и других культур подкидыванием их в почвах’¹³, если это не образования с префиксом **ob*-.

В связи с этим находит свое объяснение и укр. *гоголіти* ‘блестеть, светиться (исключительно про воду)’, приводимое в Этимологическом словаре украинского языка с пометой “неясно” (ЕСУМ 1, 543).

Ср. укр. *лелíты*, *лію* ‘сверкать; струиться блестя, блестеть; переливаться’, ‘лелеять’ (Гринченко II, 354). Здесь также выделяется протетическое *го-*, которое ассимилировало слог *ле* в *лелíти*.

Подобная ассимиляция начальным *г* последующего *л* наблюдается в блр. диал. *гѓогоць* ‘гололедица, гололёд’ – “Гогоць – наморожня така, падає на траву, ламіць лес” (Тураўскі слоўнік, 208). В русском языке отмечается также замена *г* → *л*, например Евленья < Евгения (волог.)¹⁴. Ср. сев.-рус. *гоголедица* ‘гололедица’ (Ср. Русского Севера III, 61). Блр. диал. *гогоць* < *гол(о)ць* – ‘гололедица с снегом и градом’ (Байкоў – Некраш. 82) < праслав. **golotъ/*golъtъ?* ‘гололедица, иней’ и т.д. (ЭССЯ 6, 214).

В тurovских говорах белорусского языка записано выражение *гоголь да вода* (s.v. *гѓоголь* ‘утка’ – Тураўскі слоўнік 1, 208) в значении ‘про большое половодье, разлив’: “Як зелья нема нідзе да відно ўсе далеко на водзе, то кажом – гоголь да вода”. Здесь вызывает сомнения отнесение выражения к *гѓоголь* ‘утка’, ср. выражение *одно голь да вода* s.v. *голь* ж. ‘нищета, нужда’ (Там же 215). Возможно, *гѓоголь* с наращением протетического *го-* восходит к *голь* и обозначает ‘ровное (голое), гладкое пространство’? Ср. русск. диал. *гольний* ‘гладкий, голый’ (Сл. Низ. Печоры 1, 144).

Рус. *закрўмный*

В вологодских говорах зафиксировано прилагательное *закрўмный* в значении ‘любознательный’: “Вот какие вы *закрўмные*, всё вам интересно” (Вологод. словарь Д – З, 124–125). Слово еще не этимологизировалось. Представляется вероятным образование его от глагола **крумити* в значении ‘резать’, ср. смол. *подкрумить* ‘подрезать’ (СРНГ 28, 49), урал. *окрумлять* ‘отпиливать, отделять (комель и т.д.)’: “Из хлыста четыре, три бревна. *Окрумляет* корень. Комлевую часть не *окрумляешь*” (Там же 23, 167), сюда же блр. *укрўміць* ‘отрезать неровность, выровнять’ (Бялькевич 458). Семантический переход в данном случае следующий: ‘резать’ → ‘постигать, понимать’; **крумный* – ‘любознательный, умный’ – *закрўмный* ‘любознательный (заумный?)’. Ср. *замыслистый* ‘умный’ (Словарь Карелии 2, 162). Сюда же, вероятно и блр. диал. *круміць*

‘жадно и много есть’, *круміла, -а, -ы* ‘обжора’ (Бялькевич 233). Этот блр. глагол, по мнению О.Н. Трубачева, восходит к праслав. **kruumiti* со знаком вопроса (“Возможно, древнее диал. образование – расширение с помощью элемента – *m-* того же корня (и.-е. **krou-, *kru-*), что в **kruhъ* (см.), т.е. с первоначальным значением ‘крошить, крошить’, откуда экспрессивное ‘жадно есть’. Ср. др.-исл. *hrumr* ‘хрупкий’ (Bemeker I 629; s.v. *kruch*, без блр. слова). Впрочем, нельзя до конца исключить и продолжение формы **kromiti* (**kroma*, см.), если *o>i* без ударения – ЭССЯ 13, 13”). В Этимологическом словаре белорусского языка *круміць* ‘жадно и много есть’ объясняется как звукоподражательное и сравнивается с рус. *хрумкать* то же (ЭСБМ 5, 123).

Возможно, что **крумити* в русских примерах и **круміць* в блр. диал. *укруміць* являются продолжениями праслав. **kromiti*, давшего русск. диал. *кромить* ‘обтесывать края досок, устраниая неровности и шероховатости’ (урал., том., новосиб.), блр. диал. *кроміць* ‘спиливать или срубать верхушку у сосны, готовя её для борти’ (Тураўскі слоўнік 2, 235) (ЭССЯ 13, 5). Т.е. рус. **крумити* и блр. **круміць* могли иметь первоначальное значение ‘резать, выравнивая по краю, кромке’, ср. орл. *закруміть* ‘заровнять’ (СРНГ 9, 167). Тогда *закрумный* может быть объяснено, как ‘старающийся познать что-либо за гранью, кромкой, краем’ > ‘любознательный’. Ср. тюмен. *большáя кромá* ‘о человеке, стремящемся получить для себя как можно больше’, *большекрómой* ‘ненасытный (человек)’ (Лютикова 9). Ср. рус. *запредельный*.

Блр. *vóгяры*

Авторы Этимологического словаря белорусского языка приводят слово *вóгер*₂ в значении ‘светлый перелив волн на реке’ с пометой “неясно” (ЭСБМ 2, 178). Это слово зафиксировано в белорусских говорах Гродненщины: *вóгер* м. ‘светлый перелив волн на реке’ в контексте: “Па вадз’ё б’ёгайуц’ *вóгары*” (Сцяшкович 86), а также в говорах северо-западной Белоруссии: *вóгяры*, только мн. ‘блики, отблески (на воде)’: “Па вадзе бегаюць *вóгары*” (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 1, 322). Здесь же есть этимологическая помета: “сравн. лит. *vagà* ‘линия, дорожка на поверхности тихого озера вечером” (Там же). В Словаре И. Яшкина приводится также слово *вóгеры* в значениях ‘отблески от солнца, месяца на воде, линия, полоса, дорожка на поверхности озера вечером’, ‘легкое колыхание волн’ (Яшкін. Слоўн. 151). Не исключая возможности заимствования из литовского блр. диал. *vóger*, мы попытаемся отождествить его с довольно поздно заимствованным блр. *vóger*, *vógir* ‘жеребец’,

которое наряду с рус. *огéр*, укр. *бгér*, польск. *ogier* то же заимствовано из турецкого *ajkir*, *bjgür* (ЭСБМ 2, 178). Т.е. это метафора, перенос названия животного на обозначение светлого перелива волн, их отблеска. Здесь также можно привести интересный фонетический вариант укр. диал. *órap*, -*a*, *orapъ*, -*я* ‘жеребец’¹⁵. Н.У. Быкова отмечает, что лексема *вóгер* ‘некастрированный конь’ фиксируется на периферии северо-западной диалектной зоны, на западе и юго-востоке, но отмечены также варианты *вórep*, *вórip*, *вórap*, *órep*, *ózep*, *gózep*. Она считает, что, скорее всего, слово заимствовано при посредничестве польского языка, а также высказывает мнение о значительно позднем проникновении этого заимствования в диалектную речь¹⁶.

Метафорическое употребление названий животных (домашних и диких) в качестве наименований метеорологических явлений известно славянским языкам довольно хорошо. Ср. блр. диал. s.v. *пярэсты: на пярэстых коњах*: ‘про неустойчивую погоду’: “*Вясна і вёсень на пярэстых кóнях*”¹⁷, кашуб.-словин. обычно pl. *kóńe* ‘большие волны на озере’ (Sychta II, 198), s.v. *kóńsk'i* (adj. od *kón*) *Kóńské gřěvě* ‘большие волны на озере’ (Там же, 199). Интересно, что в тех же кашубско-словинских говорах существует словосочетание *óvsní kón* – в древних народных поверьях ‘демон хлебный, живущий в овсе в облике коня, глинистой масти с гривой и хвостом цвета колосьев зрелого овса’ (Там же, 198). В белорусских говорах записано выражение (s.v. *кóník* ‘стрекоза’, ‘полочка-косячок в углу’, ‘украшение на одежде в виде ломаной линии’) *зробіць кóníka* ‘оставить след, стукнув по тонкому льду’ (Тураўскі слоўнік 2, 213), которое косвенно относится к сфере метеорологической лексики. Ср. также *барáшки* ‘белая пена на гребнях волн’, ‘мелкие кучевые облака’ (Псков. словарь 1, 117), *барáшek* – ‘белая курчавая волна, пена при завихрении воды, ее гребень’ (“метафора”)¹⁸, укр. диал. *обáранки* ‘место на реке, где бурлит вода, находя на каменный выступ, рябит’ – “Очевидно, связано с *баранци* ‘легкие облачка; пенные волны’” (ЕСУМ 4, 126), а также (! – Т.Г.) *барáшek* ‘солнечный зайчик’ – “Ожидай когда барашек, то есть солнечный луч в дыру сквозь лист сияющий, взойдет на проведенной на земли круг” (Кот. Геодез. 316 – СлРЯ XVIII в. I, 141). Очевидно, что при создании метафоры *барашек* ‘солнечный зайчик’ основой служило восприятие барана как животного прежде всего белой масти, также как и *вóгер* – сначала ‘белый конь’, а затем ‘солнечный отблеск на воде’.

В народном восприятии пенные волны на реке – прежде всего белые барашки. Ср., например, запись, сделанную Востриковым на Урале: “Молода-то была, баранов боялась, вечером начну речку перehодить, так мне всё белый баран блазнится”¹⁹. Ср. также русск. диал. *záyц* ‘солнечный зайчик’ (свердл.), ‘пенистые гребни волн’

(сарат.) (*заяцы* – “Поглянь, на Онеге *заяцы* (или зайчики) забегали” – олон.), ‘первый снег осенью’ (влад.), ‘хлопья снега’ (костр.), ‘скопление снега, инея в местах, откуда теплый воздух проникает наружу или холодный воздух проникает в теплое помещение’ (волог., твер., перм., свердл., арханг., влад.) (СРНГ 11, 203–204). Интересно также болг. выражение: “Нива – та г о н и з а й ц ы ‘колышется волнами от ветра’ (Геров 2, 144), а также рус. диал. *заяц* – ‘о пятне от сырости на стене’ (Словарь Карелии 2, 244). Англ. *cat's paw* ‘легкая рябь на воде’ значит буквально “кошачья лапа”. В донских говорах записано словосочетание *козы* (*козлы*) *бегут*, несов. ‘О движении воздуха в жаркий день’: “В глазах рибить, дюжы жарка. Гаворють, козы над гарой бягуть” (Сл. донск. казачества 222). Пензенское *козá* употребляется при назывании холодной морозной зимы (СРНГ 14, 57). Можно упомянуть также укр. диал. *коз'лак* м.р., *барán* м.р. ‘замерзшая груда грязи на дороге’²⁰.

Переносное значение блр. *vórep* ‘жеребец’ → ‘жох, ухарь, хват’. Эта версия подтверждается в Этимологическом словаре белорусского языка, где, однако, предлагаются и иные версии: о связи с рус. *огурь*, *огурный*, *огуряться*, приводимыми Фасмером, считающим их неясными, с рус. *ухарь*; предлагается семантическая связь *вогер*, *вагера* ‘жох, ухарь, хват’ с *агура* ‘неслух’, *агурань* ‘грубиян, неслух’ (ЭСБМ 2, 14). Всё-таки первая упомянутая версия кажется более надежной. Ср. блр. диал. *vórip* м. ‘жеребец’ и переносное ‘здоровый, сильный (про мужчину)²¹, *vórip*, -аў м. устар. ‘жеребец’, перен. ‘неважительно (про человека)²². В Лексическом атласе белорусских народных говоров отмечаются формы *vórep*, *vórip* (в выражении “ходзіць як *vorip*”), *огэр*, *огреп* (“только в выражении “ходзе *вогером*” в значении ‘сердитый’”), *vógar* (ЛАБНГ I, с. 42, к. N 41). Ср. укр. диал. *rɔripom* ‘бундючливо’ в выражении *хóдить róripom*²³. Ср. также кубанское *кóнэки* в значении, в частности, ‘неординарный поступок’. ‘Вэкэдатъ *конэки*’ – ‘совершать из ряда вон выходящие поступки’ (Ткаченко 118), блр. *кóнікі* мн. ‘шутки’. *Кóнікі вытвараць* ‘капризничать’ (Янкова 162). С блр. *вагер*¹ ‘жох, ухарь, хват’ этимологи связывают блр. диал. *вагера*² ‘танец на корточках’, считая, впрочем, его неясным (ЭСБМ 2, 14). Видимо, это слово можно соотнести прямо с *vórep* ‘жеребец’, ср. *зайнъка* м. ‘игра’, ‘танец’ (Словарь Карелии 2, 123). Интересно, что в кашубско-словинском говорах слово *og'er* ‘некастрированный конь, жеребец’ имеет еще и переносное значение ‘передвижная железная печь’ (Sychta III, 298), в польском языке *ogier* также ‘сноп жита, связанный ближе к колосьям’ (Варшавский словарь 3, 45). В псковских говорах *жеребец*, в частности, – ‘дефект полотна из-за пропуска одной из нитей основы’ (Псков. словарь 10, 209), ср. блр. *воўк* м. ‘ошибка, допущенная при вхождении основы кросен в бердо’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 1, 330).

Праслав. *хута/*хутъ

О.Н. Трубачев, анализируя в ЭССЯ русск. диал. *хýма* ‘шея’ (Картотека Словаря брянских говоров), *хим* м.р. ‘шея, верхняя спинная часть’ (курск., Опыт 247; Севск.у. Орл.губ. – РФВ LXXI, 1914, 351; Картотека Словаря русск. нар. говоров: донск., курск., орл.), *хýмы* ‘лохмы волос’ (Картотека Псковского областного словаря; Картотека словаря русск. говоров Карелии), относит сюда еще и русск. *хýма* ‘простоватый, глупенький’ (ворон., тамб., Доп. к Опыту 290) и делает вывод: «Ввиду явного родства с *хубъ (предслав. *хута/*хутъ – Т.Г.) (см. с.v. *хубати), гл. обр. вост.-слав., в знач. ‘хребет’, обнаруживает стар. вариантность суф. -b- и -m- и производность от общего к *skeu-, ср. сюда же, далее, *skula (см.). Фасмер IV, 237: “неясно”» (ЭССЯ 8, 157).

Сюда же можно отнести записанные в Новгородском словаре *хýмы*, мн. ‘волосы’, ‘длинные и растрепанные волосы’, *химúшки*, мн. ласк. к *хýмы*, *хýманы* ‘то же, что *хýмы*’, *химáтый*, -ая, -ое ‘с не-причесанными волосами; растрепанный’, *химоволóсый*, -ая, -ое то же (Новг. словарь 12, 13), *расхимáтить* ‘привести в беспорядок, сделать торчащими в разные стороны; растрепать – о волосах’, *расхимáтиться*, сов. возвр. к *расхиматить*, *расхимáченный*, -ая, -ое ‘приведённый в беспорядок, взлохмаченный, растрепанный’ (Новг. словарь 9, 114). Ср. с точки зрения словообразования *космы* → *раскосмáтить*.

Ср. также блр. диал. *хімкі* ‘клок травы на склоненном лугу’ (ЛАБНГ 2, 103), *хім* ‘низкорослый лес, кустарник, преимущественно ольховый, из ивняка; чаща’, *хіміна* то же (Яшкін 199). Ср. блр. диал. *хіб* ‘пучок травы, оставленный при косьбе’ (Шаталава 186), который восходит к предслав. *хубъ < *хубати и является родственным предслав. *хутъ (?). В Туровском словаре приводится с.v. *ку́ры* (без значения) выражение *хімініе ку́ры* ‘хитрости’: “Што ты мне *хімініе куры* торочыш?” (Тураўскі слоўнік 2, 253). *Хімініе куры* в данном случае можно истолковать как ‘хитрые куры’, ср. русское *строить куры* ‘обманывать, делать козни’. П. Ткаченко в кубанских говорах записано выражение *хýмкыны куры*, *дядьковы дóсвіткы* в значении ‘каждому свое’ (Ткаченко 211).

Это, возможно, подтверждается присутствием среди продолжений предслав. *хута/*хутъ – рус. *хýма* ‘простоватый, глупенький’ (см. выше). Ср. в гнезде родственного *хубати: н.-луж. *chuba* ‘недостаток, ошибка’ и словин. *хëба* ‘хитрость’ (ЭССЯ 8, 153). Сюда же можно отнести и *химости* ‘колдовство’: “Она и устраивала всяки *химости*”²⁴. Развитие значений следующее: ‘хитрость’ → ‘колдовство’. От *химость*, возможно, образовано и *хýмостить*, *хýмистить* ‘ворожить’ (Даль² IV, 548), оно в свою очередь, вероятно восходит к незасвидетельствованному прилаг. *химый в значении ‘хитрый’.

Ср. также *хýтрый* ‘колдун’²⁵, *хитрáть* ‘испортить свадьбу колдовскими приемами’²⁶.

Русск. (псков.) *хýмостить*, *хýмистить* ‘ворожить’ объясняют как заимствование из финского *hiimat* мн. ‘чары’ (см. Калима, MSFOu 52, 90 и сл.) (Фасмер IV, 237). Фасмер считает также “менее вероятным произведение из нем. *geheime Kunst* ‘магия, тайное искусство’ (Потебня, РФВ 1, 266)” и сравнивает с укр. *хýморода* ‘причуда, колдовство’, *химорбдити* ‘колдовать, капризничать, чудить’, отвергает происхождение из нем. *Geheimrat* ‘тайный советник’, вопреки Потебне (там же). Укр. *хýмородъ* ж.р., также *хýморода* ж.р. ‘причуда, каприз’, ‘колдовство’ (Гринченко IV, 397–398), *хýмороди* мн. ‘каприз, причуды’ (Лысенко. Словарь диал. лексики сев. Житомирщины. – Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, 56. Лисенко. Словник поліських говорів 224) сравнивается О.Н. Трубачевым со словац. *chymradný* ‘слабый, болезненный’ (Kálal 208) и объясняется как вариант к **xamordb* ‘т.е. сложение экспрессивной приставки **xa-*, **xy-* и *-mordb*, возм. именного производного от гл. **mýrdati* (см.)’ (ЭССЯ 8, 157). Сюда можно еще добавить блр. диал. *хýмород*, *хýморода*, *хýмóра* ж., *хýмороды* мн. ‘шутки, фокусы, проделки, выдумки’. *Хýмороды строїць* ‘капризничать, делать по своему, не слушаться’ (Тураўскі слоўнік 5, 238), *хімерады* мн. – в выражении *устанаўлюваць хýмерады* – ‘делать все на свой лад, командовать по своему’²⁷, а также, возможно *хýмэрэны* мн. ‘капризы’²⁸. В енисейских и забайкальских говорах записан гл. *похýмаститься* ‘почувдиться, показаться’ (СРНГ 30, 347). Развитие значений могло быть следующим: ‘ворожить’ → ‘вызывать видения, галлюцинации посредством колдовства’ → ‘чудиться, казаться’.

У русск. диал. *хýми(о)стить* кроме ‘ворожить’ Далем приводятся значения ‘похищать, красть, воровать’, (псков.) ‘сорить добром, мотать?’, (твер.) ‘вратить, городить чепуху’ (Даль² IV, 548). Фасмер считает, что развитие значений было следующим: ‘колдовать’ → → ‘обманывать’ → ‘воровать’ (Фасмер IV, 237). Даль приводит также приставочные образования *хими(о)стить* – *схýми(б)стить* что, новг., твер., перм., волог. ‘сплутовать, смешенничать; стянуть, стащить, слямзить, украсть’ (Даль² IV, 369), *ухýмистить* что, твер. ‘схимистить, стащить, украсть’ (Там же 524).

Рус. *посýститься*

В словаре говоров Среднего Урала зафиксирован гл. *посýститься* в значении ‘показаться, померещиться’ ‘Чё ет тебе там *посистило?* *Посистило*, будто миня *мидвéдь* душит. Да ето вам *посистило*’ (Сл. Сред. Урала IV, 103). Это слово ещё никем не этимологизировалось.

Представляется возможным объяснить его как инфинитив с вторичным оформлением окончания к *посести* с переходом под ударением этимологического *ě > i*, от *сести*, которое имеет, в частности, значения: безл. ‘стать, наступить (о каком-л. состоянии)’: “Я этим печенем помазалась, и будто бы с того мне легче *село*” (новг.), ‘случаться, произойти’ (твр.) (СРНГ 38, 239). Здесь же приводится выражение *ни село, ни пало* – ‘Еще ничего не произошло, не сделано, не начато’ (Там же). Ср. также *прýмань села* ‘случилось что-л. необыкновенное’ (СРНГ 31, 286). Продолжения праслав. **posēditi* демонстрируют такие, в частности, значения: укр. диал. *посісти*, *сайдемо, сядете*, сов. ‘установиться (про погоду)’ “*Пос'їла жаркá погóда*” (Лисенко 169), укр. диал. *напосістися* ‘накинуться, пресуетиться, напасть’²⁹. Русск. диал. *посéсться*, значит ‘усесться, рассесться’ (тамб.), ‘сесть на яйца (о наседке)’ (Груз. ССР), а также ‘ослабеть, обессилеть, заболеть от жары (о домашней птице)’: “*Посесться на ноги*” (Груз. ССР) (СРНГ 30, 153). Ср. также *посéсть* ‘утратить способность трудиться’ (Перм. словарь II, 180).

Данные болгарского языка, демонстрирующие значения *съдј*, в частности безл. *съдји ми* – ‘становиться, казаться, чудиться’ – “Съди ми грозно, съдji ми щуро” (Геров V, 308)³⁰, служат подтверждением предлагаемой этимологии. Т.е. ‘становиться, наступать (о каком-либо состоянии)’ → ‘казаться, мерещиться’? Или же ‘случаться, происходить’ → ‘казаться, мерещиться’.

Анализ семантических моделей глаголов со значениями ‘казаться, чудиться’ как будто подтверждают такие изменения значений. Ср. *сдековаться*, сов. ‘произойти, случиться’ (свердл.) и *сдекнуться*, сов. безл. ‘привидеться, показаться (при миражах на воде)’ (СРНГ 37, 58), *подеяться*, сов. ‘сделаться, приключиться’ (курск., тул., калуж., тамб., ворон., донск., новг.), ‘померещиться’ (брян., орл.) (СРНГ 28, 5), а также *деѧние, дейѧние* ср. ‘мифологическое существо: нечистый дух; чудовище’; ср. *попритьчиться* ‘приключиться, случиться (о чем-либо неприятном)’, безл. ‘померещиться, показаться’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 443). Интересно в этом плане выражение *приключáться в глазá* ‘чудиться, мерещиться; представляться’ (Орловск. словарь 11, 35). Ср. также родственное **sēditi* русск. *приходить* ‘входить, заходить в дом’, безл. ‘видеться, казаться’: “Они [девки] смотрят в кольцо, им приходит как фотокарточка, кто замуж возьмет”; *приходна*, ж. – ‘болезнь, вызываемая колдовством’ (Словарь Карелии 5, 223). Ср. *засéд*, -а, м. ‘в суеверных представлениях скопление болезней (вызванных злыми духами)’ (казан.) (СРНГ 11, 24). В этой связи блр. диал. *росісць* ‘нечто дурное’ (“Есьце, щоб вас поела *росісць* (проклятие) – Тураўскі слоўнік 4, 311) можно проэтимологизировать как **orž-sěšť*, от праслав. **sěditi*. Ср. там же *росоха* (< **orzsøxa*), *росбл* ‘рассол’

(< **orzsolъ*) (Там же, 316). Интересно также родственное лат. *insidia*, *ārum* f. pl. [*insiideo*] ‘засада’, ‘интриги, козни’, ‘ловушка’³¹. Ср. с.-хорв. *насáдити* ‘посадить’, ~ некого ‘обмануть, надуть, подвести кого-л.’ (Толстой² 289).

В рассмотренном выше рус. *посéсться* также обращает на себя внимание значение ‘обессилеть, заболеть от жары (о домашней птице)’, ср. наречие *вдóсесть* ‘до изнеможения, до устали’ (арханг.) (СРНГ 4, 88), арханг. *испересéтись* и *испересéться* ‘сильно утомиться обессилеть’ (СРНГ 12, 227), *в сад сéсть* ‘заболеть от внезапного потрясения’ (ворон.) (СРНГ 36, 20), *осесть* сов. ‘ослепнуть’ ‘Глаза *осели*, ничего не вижу’ (Там же 23, 357).

Возможно также, был переход значений ‘утомлять, заболеть’ – ‘казаться, мерещиться’, ср. арханг. *прикóхло*, безл. ‘прихватило о болезни’ и олон. ‘привидеться, показаться’ (СРНГ 31, 260), или же трансформация значения ‘ослабляться о зрении, свете’ в значение ‘казаться, мерещиться’. Ср. нижегор. *просéсть* сов. ‘потускнеть (о чем-л. блестящем)’. ‘Полировка *просела*’ (СРНГ 32, 227), кашуб.-словин. *usadac* impf., *usadnqc* pf. фиг. (о керосиновой лампе или свече) ‘гаснуть’ (Sychta V, 8).

С точки зрения словаобразования **посеститься* – инфинитив с вторичным оформлением окончания. В русских говорах записана форма *сéстить*, сов., неперех. ‘сесть’: “Я вспомнила, надоть туда пойти *сестить*” (том.) (СРНГ 37, 233). Ср. еще целый ряд подобных образований: *подвестíсь* ‘осунуться, похудеть’, *подвестýться*, сов. то же (Орловский словарь 10, 35), *полестíться*, сов. ‘поласкаться’, *полестýться* сов. то же (олон., ряз.) (СРНГ 29, 61), есть, *éсти* и *éстить*, *éститься* несов. ‘принимать пищу’ (Псков. словарь 10, 136), найти сов., перех. ‘найти, отыскать’ и найти то же (СРНГ 19, 301), *принестí* сов., перех. ‘родить’, *принестýть* сов., перех. то же (Сл. Сибири 3, 173) и др.

Примечания

- ¹ Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984, 85.
- ² Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части России. III / Под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. М., 1996, 245.
- ³ Англо-русский словарь / Сост. В.К. Мицлер и С.К. Боянус. М., 1928, 98.
- ⁴ Англо-русский метеорологический словарь / Сост.: М.И. Айнбinder, Н.М. Аллёнова, Н.А. Галл, Л.В. Савина. Под ред. Б.Д. Астапенко. М., 1959, 20.
- ⁵ Шведско-русский словарь / Сост. Д.Э. Миланова. Изд. 4-е, исправ. и доп. М., 1973, 419–420.
- ⁶ Маштаков П.Л. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.
- ⁷ Ящыкоўская М.У. Лексіка гаворкі вёскі Зімовая Буда Мазырскага раёна // З народнага слоўніка. Мінск, 1975, 162.

- 8 Шведско-русский словарь. 49.
- 9 Диалектологический атлас русского языка. 245.
- 10 Левицкий В.В. Этимологический словарь германских языков. Дополнения и исправления. Черновцы, 2001. Т. 4, 49.
- 11 Климчук Ф.Д. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья. М., 1968, 45.
- 12 Сацута І.У. З лексікі вёскі Крытышын Іванаўскага раёна / Жывое народнае слова. Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 1992, 96.
- 13 Корзюнок М.М. Матеріали до словника західно-волинських говірок // Українська діалектна лексика. Збірник наукових праць. Київ, 1987, 104.
- 14 Кузнецова О.Д. Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений). Л., 1985, 43.
- 15 Матеріали до словника броварських говірок / Ред. кол.: К.Ф. Герман, К.М. Лук'янюк (відповідальний редактор). В.А. Прокопенко. Чернівці, 1979. Вип. шостий, 89.
- 16 Быкова Н.У. Лексемы іншамоўнага паходжання ў назвах жывёльнага свету // Жывое народнае слова. Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 1992, 189–190.
- 17 Трухан Т.М. З гаворкі вёскі Замошша Любанскага раёна // Жывое наша слоўва. Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 2001, 158.
- 18 Мурзаев. Указ. соч. 140.
- 19 Востриков. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 5. Магия и знахарство. Народная мифология. Ек., 2000, 37.
- 20 Никончук М.В., Никончук О.М. Транспортна лексика правобережного Полісся в системі східнослов'янських мов. Київ, 1990, 196.
- 21 Усціновіч А.К. Так гавораць у Купіску // Народная словатворчасць. Мінск, 1979, 42.
- 22 Сіяцко П. Дыялекты слоўнік (З гаворак Зэльвеншчыны). Мінск, 1970, 32.
- 23 Паламарчук Л.С. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївкі (Вчорайшенського району, Житомирської обл.) // Лексикографічний бюллетень. Київ, 1958. Вип. IV, 25.
- 24 Востриков. Указ. соч. 37.
- 25 Там же, 40.
- 26 Там же, 65.
- 27 Корань Н.Д. Да палесскага дыялектнага слоўніка // З народнага слоўніка. Рэд. А.А. Крывіцкі, Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1975, 160.
- 28 Клімчук Ф.Д. З лексікі вёскі Камянюкі Камянецкага раёна // Жывое народнае слова. Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 1992, 51.
- 29 Сізько Т.А. Словник діалектної лексики говірок сіл південно-східної Полтавщини. Дніпропетровськ, 1980, 59.
- 30 Хитов Х. Речник на говора на с. Радовене, Врачанско // БД IX, София, 1979, 139.
- 31 Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1986, 407.